

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В.Золотаревой и В.В.Фроловой

город Санкт-Петербург

25 мая 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан М.В.Золотаревой и В.В.Фроловой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли

Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницами законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 150 УК Российской Федерации в части первой устанавливает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, и усиливает (дифференцирует) такую ответственность в части четвертой за деяния, предусмотренные данной статьей, если они связаны с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регулируя вопросы о процессуальном статусе потерпевшего и его представителей, о порядке возбуждения и направления уголовного дела в суд, закрепляет, что:

потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, и юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации; решение о признании таковым принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда, а если на момент возбуждения дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение принимается незамедлительно после получения

данных об этом лице; участие в уголовном деле законного представителя и представителя потерпевшего не лишает его прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (части первая и десятая статьи 42);

для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители, которые имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица; личное участие в уголовном деле потерпевшего не лишает его права иметь по этому делу представителя (части вторая, третья и четвертая статьи 45);

о принятом по результатам рассмотрения сообщения о преступлении решении, в том числе о возбуждении уголовного дела, сообщается заявителю; ему разъясняются его право обжаловать данное решение и порядок обжалования (часть вторая статьи 145);

о принятом решении о возбуждении уголовного дела публичного обвинения руководитель следственного органа, следователь, дознаватель незамедлительно уведомляют заявителя и лицо, в отношении которого возбуждено дело (часть четвертая статьи 146);

копии обвинительного заключения вручаются защитнику и потерпевшему, если они ходатайствуют об этом (часть вторая статьи 222).

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривают заявительницы по настоящему делу – граждане М.В.Золотарева и В.В.Фролова.

2 февраля 2020 года в отношении несовершеннолетней М.В.Золотаревой возбуждено уголовное дело по признакам покушения на преступление, предусмотренное пунктом «г» части четвертой статьи 228¹ УК Российской Федерации. В тот же день следователь допустил к участию в деле в качестве законного представителя несовершеннолетней ее мать – В.В.Фролову. Кроме того, материалы проверки в отношении гражданина

Б., предположительно вовлекшего подозреваемую в совершение преступления, были направлены прокурором в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по части четвертой статьи 150 данного Кодекса. 30 апреля 2020 года в отношении Б. как лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста к моменту совершения им предполагаемого преступления, возбуждено уголовное дело, о чем заявительницы, по их утверждению, не были своевременно извещены, а также допрошены по его обстоятельствам. Постановлением следователя это дело соединено в одном производстве с другим уголовным делом в отношении Б., возбужденным 11 февраля 2020 года по признакам покушения на преступление, предусмотренное пунктом «г» части четвертой статьи 228¹ данного Кодекса.

Приговором от 29 июля 2020 года М.В.Золотарева осуждена за совершение в составе группы лиц по предварительному сговору покушения на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере и ей назначено наказание в виде трех лет лишения свободы (в связи с достижением ею совершеннолетия в период разбирательства дела в суде полномочия ее законного представителя В.В.Фроловой прекратились, и та участвовала в судебном заседании в качестве свидетеля). В качестве смягчающих наказание обстоятельств учтены в том числе признание вины, раскаяние в содеянном и несовершеннолетний возраст на момент совершения преступления. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 21 сентября 2020 года приговор оставлен без изменения. В удовлетворении доводов кассационных жалоб стороны защиты отказано определением судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2021 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2021 года. По утверждению заявительниц, судами не затрагивался вопрос о влиянии Б. на совершение М.В.Золотаревой преступления.

В свою очередь, В.В.Фролова в рамках уголовного дела в отношении Б. заявила ходатайство о признании дочери (свидетеля по делу) потерпевшей, в чем, однако, отказано постановлением следователя от 19 августа 2020 года. Сообщено, что объектом преступления, наказуемого по части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации, выступает не личность несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, а совокупность общественных отношений в сфере государственной политики по реализации прав и законных интересов семьи и ребенка, по воспитанию подрастающего поколения; отсутствовали противоправные действия, связанные с применением Б. насилия либо угроз к М.В.Золотаревой, а потому она, совершив преступление хотя и под влиянием Б., но по собственной воле, не может быть признана потерпевшей. Другим постановлением следователя отказано в допуске В.В.Фроловой к участию в деле в качестве законного представителя своей дочери как потерпевшей.

Жалобы, поданные В.В.Фроловой в интересах М.В.Золотаревой на эти решения в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, 17 февраля 2021 года оставлены судом без удовлетворения с подтверждением правомерности позиции следователя. Разъяснено, что решение о признании потерпевшим принимается с учетом фактических обстоятельств совершенного преступления и при наличии оснований, предусмотренных статьей 42 УПК Российской Федерации, а сам факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления недостаточен для вывода о причинении ему морального вреда и придания ему статуса потерпевшего. С этим согласился суд второй инстанции, отметивший в постановлении от 13 мая 2021 года, что ни в суде первой инстанции, ни в ходе апелляционного рассмотрения не представлено сведений о причинении М.В.Золотаревой действиями Б. морального или физического вреда, а равно доказательств нарушения ее личных неимущественных прав. Последующие кассационные жалобы в ее интересах отклонены (постановления судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции от

19 июля 2021 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2021 года, а также письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2021 года) ввиду поступления уголовного дела Б. в суд первой инстанции для рассмотрения по существу; разъяснено, что вопрос о ее признании потерпевшей может быть поставлен перед судом в рамках такого разбирательства и она вправе обжаловать вынесенное по его итогам решение в соответствующей части.

Одновременно В.В.Фролова подала жалобу в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации в интересах дочери на ненаправление им копии постановления о возбуждении уголовного дела в отношении Б. по части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации. 2 апреля 2021 года суд оставил жалобу без удовлетворения, указав, что уведомление заявительниц о возбуждении этого дела не предусмотрено законом, поскольку ни лицами, сообщившими о преступлении, ни лицами, в отношении которых возбуждено это дело, они не являются, а потому их конституционные права и свободы не нарушены. Правомерность такого решения подтвердили суды апелляционной и кассационной инстанций (апелляционное постановление Московского городского суда от 6 июля 2021 года, постановления судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 октября 2021 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 года).

Отказано и в удовлетворении жалобы на неизвещение о возбуждении уголовного дела в отношении Б. о преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 30 и пунктом «г» части четвертой статьи 228¹ УК Российской Федерации. В постановлении от 16 апреля 2021 года Преображенский районный суд города Москвы сослался на отсутствие предмета проверки в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, поскольку обращение не содержало указания, в чем конкретно действия или бездействие следователя в рамках возбуждения дела Б. причиняют ущерб конституционным правам заявительниц и затрудняют их доступ к правосудию. С данным выводом согласился суд второй инстанции

(апелляционное постановление Московского городского суда от 27 мая 2021 года).

Заявленное же непосредственно в ходе судебного заседания по рассмотрению уголовного дела Б. ходатайство М.В.Золотаревой о признании ее потерпевшей по делу, а В.В.Фроловой – ее законным представителем отвергнуто 12 мая 2021 года с мотивировкой, что оснований к тому не установлено ввиду отсутствия сведений о том, какими из вмененных подсудимому действий и какой именно вред причинен М.В.Золотаревой.

Приговором от 14 июля 2021 года Б. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере (часть третья статьи 30 и пункт «г» части четвертой статьи 228¹ УК Российской Федерации) с назначением наказания в виде десяти лет лишения свободы. Одновременно суд оправдал его по обвинению в вовлечении путем обещаний и обмана несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления (часть четвертая статьи 150 УК Российской Федерации) за отсутствием в его действиях данного состава и признал за ним право на реабилитацию в этой части. По оценке суда, факт вовлечения не нашел подтверждения в ходе судебного разбирательства, поскольку из анализа показаний свидетеля М.В.Золотаревой следует лишь, что о деятельности, связанной с незаконным распространением наркотиков, она узнала от Б., который установил на ее мобильный телефон приложение и подключил зарегистрированный аккаунт к чату с лицом, сообщившим в последующем информацию о месте нахождения закладки. О получении ею этой информации Б. не знал, она ему об этом не сообщала, никаких обещаний материального обогащения и сведений о безнаказанности преступной деятельности он ей не высказывал, денежное вознаграждение за размещение наркотиков не обещал и не предлагал. В судебном заседании она показала, что преступление, за которое ее осудили, совершено из-за желания заработать денежные средства. С учетом этого суд сделал вывод, что преступление совершено ею с целью личного обогащения,

добровольно, без обещаний, уговоров, понуждения со стороны Б. и без предложений совершить запрещенное уголовным законом деяние.

Правомерность приговора в отношении Б., а также постановления Преображенского районного суда города Москвы от 12 мая 2021 года об отказе в признании М.В.Золотаревой потерпевшей и в допуске в этой связи ее матери как ее законного представителя подтверждена апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 2 декабря 2021 года. Определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2022 года по результатам рассмотрения жалоб Б. и его защитника вынесенный в его отношении приговор оставлен без изменения. При этом, как отмечают заявительницы, поданные ими ходатайства и кассационные жалобы не были рассмотрены в судебном заседании – как поданные лицами, не являющимися субъектами, наделенными правом обжалования соответствующих судебных решений. Постановлением судьи того же суда от 24 июня 2022 года отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции кассационных жалоб М.В.Золотаревой и ее адвоката на постановление суда первой инстанции от 12 мая 2021 года и подтверждена правомерность сделанных в этом решении выводов. Равным образом судья Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2022 года отказал в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции жалобы М.В.Золотаревой и адвоката на приговор и последующие судебные решения в отношении Б., а также на постановление суда первой инстанции от 12 мая 2021 года.

1.2. М.В.Золотарева и В.В.Фролова просят признать оспариваемые нормы противоречащими статьям 24 (часть 2), 29 (часть 4), 45, 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют в рамках производства по уголовному делу о вовлечении несовершеннолетнего в

совершение преступления отказывать в его признании потерпевшим, а его близкого родственника – законным представителем, не обеспечивая реализацию процессуальных прав таких лиц, в частности права быть уведомленным о возбуждении уголовного дела и допрошенным сразу после этого, права получить копию обвинительного заключения по заявленному ходатайству. Нарушение своих конституционных прав заявительницы связывают с тем, что в уголовном деле Б. они были лишены прав стороны обвинения: возможности полноценно участвовать в доказывании факта вовлечения М.В.Золотаревой в совершение преступления и факта причинения ей этим морального вреда. Это, с их слов, повлекло оправдание Б. по данному обвинению, а в уголовном деле М.В.Золотаревой лишило ее возможности ссылаться на ее показания в отношении Б. и претендовать на более мягкое наказание с учетом совершения инкриминированного ей преступления под влиянием совершеннолетнего лица (т.е. с учетом смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом «е» части первой статьи 61 УК Российской Федерации).

1.3. Согласно части первой статьи 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают, в частности, граждане, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются примененными в конкретном деле федеральным конституционным законом, федеральным законом или иным указанным в данной норме нормативным актом.

Семейный кодекс Российской Федерации признает лицо, не достигшее восемнадцати лет (совершеннолетия), ребенком (пункт 1 статьи 54), который имеет право на защиту своих прав и законных интересов, осуществляемую, в первую очередь, его родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных данным Кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом (пункт 1 статьи 56).

Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий; родительские права прекращаются в том числе по достижении детьми совершеннолетия (пункт 2 статьи 61 и пункт 1 статьи 64 данного Кодекса). В силу же Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации близкие родственники несовершеннолетнего потерпевшего, допускаемые к участию в уголовном деле в качестве его законных представителей (пункты 4 и 12 статьи 5), выполняют функцию обвинения (уголовного преследования) (пункты 45 и 47 статьи 5, статья 22) и имеют те же процессуальные права, что и представляемый (часть третья статьи 45), включая право давать показания и представлять доказательства (пункты 2 и 4 части второй статьи 42). По постановлению дознавателя, следователя, судьи или по определению суда законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего (часть вторая² статьи 45 данного Кодекса).

По смыслу приведенных законоположений лицо, претендующее на роль законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства, представляет и обеспечивает его права и интересы и в этом качестве не преследует свои личные интересы, а потому не является субъектом, наделенным правом подавать от своего имени жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации. Как видно из представленных заявительницами документов, на момент возбуждения в отношении Б. уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью четвертой статьи 150 УК Российской Федерации, М.В.Золотарева достигла совершеннолетия и в законном представителе не нуждалась. Тем не менее В.В.Фролова продолжала процессуально действовать в интересах дочери и после этой даты, указанное обстоятельство само по себе не стало основанием для отказа в рассмотрении ее обращений, а ее участие в процессуальных отношениях никем под сомнение не ставилось. Не давая

этому оценку, Конституционный Суд Российской Федерации констатирует, что в жалобе, поданной ими совместно, речь во всяком случае идет о конституционных правах М.В.Золотаревой. Сведений же о том, что В.В.Фролова ставила вопрос о признании также и ее потерпевшей (со ссылкой, например, на претерпевание страданий от вовлечения дочери в преступную деятельность), в материалах настоящего дела не имеется.

Соответственно, В.В.Фролова не может расцениваться в качестве надлежащего заявителя, а потому производство по данной жалобе в части доводов о нарушении ее конституционных прав подлежит прекращению на основании пункта 2¹ части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

1.4. Положения части десятой статьи 42, частей второй, третьей и четвертой статьи 45 УПК Российской Федерации закрепляют отдельные права лица, участвующего в производстве по уголовному делу в качестве потерпевшего, в том числе в случае его несовершеннолетия – гарантию привлечения к участию в деле законного представителя, который наделяется процессуальными правами представляемого при сохранении таковых у несовершеннолетнего потерпевшего. В свою очередь, во взаимосвязи со статьей 42 данного Кодекса о праве потерпевшего наряду с прочим получить копию постановления о возбуждении уголовного дела действуют часть вторая его статьи 145 и часть четвертая статьи 146, в силу которых лицо, сообщившее о преступлении, уведомляется не только о решении, принятом по результатам рассмотрения его сообщения, но и о праве обжаловать данное решение и о порядке обжалования, а также немедленно информируется уполномоченными должностными лицами о возбуждении уголовного дела (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 258-О и от 29 октября 2020 года № 2540-О). Часть же вторая статьи 222 данного Кодекса дает потерпевшему право получить копию обвинительного заключения, если он ходатайствует об этом. Не придается иной смысл приведенному

регулированию и в судебной практике (пункты 8 и 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»).

Поскольку названные законоположения – вопрос о применении которых в конкретном деле опосредован, в частности, признанием лица потерпевшим – неопределенности в указанном М.В.Золотаревой аспекте не содержат и не могут расцениваться как нарушающие ее конституционные права, постольку производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению на основании пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Это не препятствует учету их содержания при конституционной оценке норм, сохраняющихся в предмете рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, в аспекте, касающемся объема прав потерпевшего, которые определяют его возможности отстаивать свои интересы в уголовном процессе.

1.5. Таким образом, с учетом статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть четвертая статьи 150 УК Российской Федерации и часть первая статьи 42 УПК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности признать несовершеннолетнего потерпевшим по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления, в том числе при отсутствии признаков применения к нему физического или психического принуждения.

2. Провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, подлежащие признанию, соблюдению и защите, Конституция Российской Федерации предусматривает, что в России материнство и детство, семья

находятся под защитой государства, а дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, в силу чего должны быть созданы условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (статьи 1 и 2; статья 7, часть 2; статья 38, часть 1; статья 67¹, часть 4).

Конституционно признанная обязанность государства обеспечивать благополучие и защищенность детей обусловлена тем, что, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития человека, когда закладываются основы личности и в ходе подготовки к полноценной жизни в обществе формируются социальная и творческая активность, моральные качества, мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы. Это требует разработки и проведения эффективной правовой политики в данной области, направленной на упрочение гарантий прав и законных интересов детей, на защиту от факторов, негативно влияющих на их развитие.

Цели государственной политики в интересах детей закреплены, в частности, статьей 4 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и согласуются с документами Организации Объединенных Наций. Так, в соответствии с Декларацией прав ребенка от 20 ноября 1959 года ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту (преамбула), законом и другими средствами ему должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены благоприятные условия, позволяющие развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства (принцип 2), а равно он должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9). Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года также обязывает

государства обеспечивать ребенку такую защиту и заботу, которые нужны для его благополучия (статья 3), принимать все законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью его защиты от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления (статья 19), защищать ребенка от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту его благосостояния (статья 36).

Особенности детского возраста не лишают несовершеннолетнего права на охрану достоинства личности. Это право принадлежит каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немислимо само демократическое правовое устройство страны, а потому предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению, тем более в случаях, когда речь идет о защите человека от преступных посягательств на его права, свободы и саму личность (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что применительно к достоинству личности потерпевшего от преступления конституционные предписания диктуют обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы, а также защищать собственное достоинство любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только преступником, но и самим государством (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 26 октября 2021 года № 45-П).

Тем самым правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних – исходя из требований Конституции Российской Федерации, ее статей 7, 20 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1), 38 (часть 1) и 67¹ (часть 4), а также из международно-правовых

обязательств России – должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает принятие законодательных мер с целью обезопасить каждого ребенка как в целом от неблагоприятного воздействия на его психику, которое может существенно повлиять на его развитие, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях, так и тем более от преступных посягательств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П, от 31 января 2014 года № 1-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П). Сущность указанных параметров государственной защиты не меняется и в случае, когда несовершеннолетний совершил уголовно наказуемое деяние, хотя конкретное их содержание для данного случая может обладать своей спецификой. При этом не может быть обойден вниманием – с учетом нравственной и психологической незрелости несовершеннолетнего – фактор влияния на него третьих лиц как причины или условия совершения преступления, требующий оценки личности и деяния как самого несовершеннолетнего, так и повлиявших на него лиц.

3. По смыслу Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений охраняются государством, которое обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на основе принципа равенства перед законом и судом (статья 19, части 1 и 2; статья 46, часть 1; статья 52). Законодатель закрепил защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в качестве одной из целей уголовного судопроизводства (пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации). При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, потерпевшим признается лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред непосредственно тем общественно опасным деянием, по признакам которого возбуждено уголовное дело (определения от 19 июня 2012 года № 1159-О, от 17 июля 2012 года № 1318-О и от 22 апреля 2014 года № 778-О). Пленум же Верховного Суда Российской Федерации

разъяснил, что лицо, пострадавшее от преступления, признается потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления (абзац второй пункта 2 постановления от 29 июня 2010 года № 17).

Как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения (пункт 47 статьи 5 и статья 42 УПК Российской Федерации) потерпевший имеет свои собственные интересы, для защиты которых он наделен соответствующими правами. В частности, он вправе заявлять о совершенном в отношении него преступлении, представлять доказательства, поддерживать обвинение, приносить жалобы на действия, бездействие и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, в том числе на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, получать копии ряда процессуальных решений, обжаловать приговор, определение и постановление суда.

При этом в уголовном судопроизводстве защита прав и законных интересов несовершеннолетних от преступлений, посягающих на их личность, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, оказывающих неблагоприятное воздействие на формирование их моральных качеств, мировоззрения и взглядов, порождающих ложные жизненные принципы и перспективы, приобретает особое значение.

4. Конституционный Суд Российской Федерации не раз подчеркивал, что законодатель, устанавливая преступность и наказуемость общественно опасных деяний, может в зависимости от существа охраняемых отношений конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость ценностей, на которые они посягают, и характер имущественного, организационного и иного вреда, причиняемого

охраняемому объекту (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 27 февраля 2020 года № 10-П и от 24 мая 2021 года № 21-П). Включение вреда определенного вида в качестве обязательного признака состава преступления не означает, что данное деяние не способно повлечь иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления. Так, обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении лицу физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага (Постановление от 26 октября 2021 года № 45-П).

Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на достоинство личности – конституционно защищаемое и принадлежащее каждому нематериальное благо, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и от 8 апреля 2021 года № 11-П). Реализуя свои дискреционные полномочия (статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1, Конституции Российской Федерации), законодатель в разделе VII «Преступления против личности» УК Российской Федерации в качестве отдельной группы запрещенных деяний предусмотрел преступления против семьи и несовершеннолетних (глава 20). Одним из этих деяний является криминализированное статьей 150 данного Кодекса вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Ее часть третья усиливает ответственность за такое вовлечение с применением насилия или с угрозой его применения, а часть четвертая – за вовлечение в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления по мотивам политической, идеологической,

расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

По смыслу, придаваемому статье 150 УК Российской Федерации сложившейся практикой, под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Они могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий. При этом действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по названной статье и по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления (абзацы третий и шестой пункта 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»). Как следует из сказанного, для привлечения к уголовной ответственности взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления не имеет значения, участвовал ли взрослый в совершении этого преступления совместно с несовершеннолетним или оно совершено ребенком самостоятельно, а также был ли взрослый осведомлен об обстоятельствах совершения ребенком преступления, в которое тот был умышленно вовлечен.

Общественная опасность преступления, предусмотренного статьей 150 УК Российской Федерации, обуславливается в ряду прочего тем, что до совершеннолетия формирование личности считается незавершенным. Детская и подростковая психика отличается подвижностью, незрелостью и неустойчивостью к внешнему влиянию (внушаемостью), ввиду чего такое негативное воздействие со стороны взрослого, как вовлечение в

совершение преступления, не только подталкивает ребенка к противоправному поведению, но и нарушает процессы его нормальной социализации и нравственно-психического развития (созревания) личности. Устанавливая ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, законодатель дал оценку опасности такого рода деяния, учитывая в том числе посягательство на нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетнего и особенности восприятия ребенком социального значения своих поступков, степень внушаемости и податливости внешнему воздействию, пусть не достигающему типичных характеристик физического или психического насилия, но способному причинить вред складывающейся личности.

5. Интересы развития и воспитания несовершеннолетних как объект преступного посягательства не могут рассматриваться отстраненно от интересов личности, прав и свобод конкретного ребенка, являющегося непосредственной конституционной ценностью и субъектом соответствующих правоотношений, которым причиняется вред при вовлечении взрослым ребенка в совершение преступления. По смыслу статьи 150 УК Российской Федерации с учетом ее места в данном Кодексе несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать (упрочить) ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства.

Поскольку основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (часть вторая статьи 140 УПК Российской Федерации), постольку в случае

возбуждения должностными лицами органов предварительного расследования уголовного дела о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления констатируется наличие признаков пагубного влияния на его нравственность и, следовательно, признаков причинения вреда достоинству его личности и морального вреда, тем более если уголовное дело возбуждено по заявлению самого несовершеннолетнего (или согласно поступившей от него информации).

Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу и оно, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его таковым. Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется решением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им (Постановление от 11 ноября 2014 года № 28-П; определения от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О, от 25 апреля 2019 года № 655-О и др.). Вместе с тем для реализации всей полноты процессуальных возможностей потерпевшего требуется официальное придание лицу такого статуса. Правоприменитель, выяснив, что лицу преступлением причинен вред (имеются признаки причинения вреда), обязан незамедлительно оформить данный факт постановлением о признании его потерпевшим. Иное – в нарушение статей 21 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1), 52, 53 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации – лишило бы потерпевшего возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, необоснованно ограничило бы его доступ к правосудию (Постановление от 12 мая 2022 года № 18-П). Недопустимо принятие произвольного – исходя из личного усмотрения дознавателя, следователя или суда – решения о признании или

непризнании потерпевшим по уголовному делу (определения от 5 июня 2014 года № 1534-О, от 11 октября 2016 года № 2164-О и др.).

Тем самым, по смыслу положений статьи 150 УК Российской Федерации и статьи 42 УПК Российской Федерации, лицо подлежит признанию потерпевшим по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления в период несовершеннолетия, с которым связываются дополнительные гарантии защиты прав таких участников уголовно-правовых отношений, учитывающие их социальные, возрастные и психофизиологические особенности, независимо от способа такого вовлечения и от последующего достижения совершеннолетия. Обеспечение же участия данного лица в производстве по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления в качестве свидетеля не может компенсировать отказ в признании его потерпевшим и способно воспрепятствовать ему в реализации процессуальных гарантий, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством свидетель обладает меньшим объемом прав по сравнению с потерпевшим.

При этом характер и степень воздействия совершеннолетнего на ребенка при вовлечении его в совершение преступления впоследствии подлежит судебной оценке, а сам факт признания потерпевшим – как, впрочем, и при расследовании и рассмотрении судом уголовных дел о других преступлениях – не предопределяет ни вывод о виновности обвиняемого (подсудимого) в вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность, ни вывод о самом наличии такого вовлечения.

6. Таким образом, часть четвертая статьи 150 УК Российской Федерации и часть первая статьи 42 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления, как причиняющем вред нормальному физическому, психическому и нравственному развитию и

воспитанию несовершеннолетней личности, независимо от способа такого вовлечения.

Придание оспариваемым нормам иного смысла при разрешении вопроса о признании лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления не только снижало бы уровень защищенности таких лиц, определяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавало бы в системе действующего правового регулирования – призванного обеспечивать приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, их права и свободы, достоинство личности) – необоснованные препятствия для применения повышенных гарантий реализации прав этой особой группы потерпевших от преступлений, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 2, 21 (часть 1), 38 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 56 (часть 3) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Что же касается пересмотра правоприменительных решений, основанных на истолковании части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации и части первой статьи 42 УПК Российской Федерации, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, и затрагивающих права М.В.Золотаревой, то фактически такой пересмотр может влечь пересмотр уголовного дела в отношении Б. в части его обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 150 УК Российской Федерации. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым обратить внимание на следующее. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит положения, запрещающего пересмотр оправдательного приговора (каковым в указанной части был приговор в отношении Б.), однако часть третья его статьи 414 предусматривает, что пересмотр оправдательного приговора допускается

лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (статья 78 УК Российской Федерации) и не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств. Таким образом, она косвенно указывает на возможность пересмотра оправдательного приговора только по вновь открывшимся обстоятельствам, тогда как признание постановлением Конституционного Суда Российской Федерации нормативного акта или его отдельного положения не соответствующим Конституции Российской Федерации либо соответствующим Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании, с которым расходится использованное в приговоре, определении или постановлении суда толкование, относится к новым обстоятельствам (пункт 1 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации). При этом предметом регулирования статьи 414 УПК Российской Федерации являются сроки пересмотра судебного акта.

Поскольку Конституционный Суд Российской Федерации не применяет прямо уголовно-процессуальное законодательство, а выражение им позиции о возможности или невозможности пересмотра уголовного дела в рассматриваемом случае фактически сопряжено с оценкой конституционности части третьей статьи 414 УПК Российской Федерации в отсутствие обращений о ее проверке, он констатирует, что решение вопроса о процессуальной возможности такого пересмотра относится к сфере компетенции уполномоченных на то судебных органов, непосредственно применяющих данный Кодекс.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть четвертую статьи 150 УК Российской Федерации и часть первую статьи 42 УПК Российской Федерации не противоречащими

Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации и части первой статьи 42 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в отношении гражданки Фроловой Виктории Владимировны, а также в части проверки конституционности части десятой статьи 42, частей второй, третьей и четвертой статьи 45, части второй статьи 145, части четвертой статьи 146 и части второй статьи 222 УПК Российской Федерации.

4. Вопрос о возможности пересмотра правоприменительных решений, основанных на истолковании части четвертой статьи 150 УК Российской Федерации и части первой статьи 42 УПК Российской Федерации, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, и затрагивающих права гражданки Золотаревой Марии Владимировны в уголовном деле, в котором она не получила статуса потерпевшей, поскольку таковой вопрос может быть связан с пересмотром оправдательного (в части обвинения в преступлении, предусмотренном частью четвертой статьи 150 УК Российской Федерации) приговора в отношении другого гражданина, разрешается в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 26-П